

«Если ноги изрезаны в кровь...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

"Если ноги изрезаны в кровь..." «ЕСЛИ НОГИ ИЗРЕЗАНЫ В КРОВ...»

Если ноги изрезаны в кровь
и следы пламенеют в снегу,
в те мгновенья и детство, и кров
вспоминаешь на каждом шагу,

вспоминаешь, как прошлого часть,
не попавшую в рифму любовь.
Её голос летает, кружась
над холмами морщинистых лбов.

Он кружит над твоей головой,
побеждая пространство и смерть.
Целый мир попирая кровавой стопой,
ты в последнем мгновении можешь суметь

вспомнить весь свой не прожитый век,
и ещё про свеченье седин,
сквозь туман тяжелеющих век
видеть, что ты остался один.

Только небо запомнит твой взгляд,
только лес тебя встретит в тиши,
где, как тесто, восходит земля
над краями голодной души.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

На травах, в белоснежном одеянии
сидит старик. Века над стариком
застыли, словно древность мирозданья
в него переместилась целиком,

теперь она в молчаньи старика.
А бархат серебрящихся волос
и отрешённый вид
возможно разглядеть издалека,
как скалы, у которых он сидит,
сидит прямей, чем мировая ось,
оставлен вечностью и смертью позабыт.
Да, он сидит, не нужный никому,
сидит, не вспоминаемый никем.
Его глаза уставлены во тьму
грядущего суда. Теперь он нем.
Его уста опутала трава,
и молодость его вспорхнула птицей,
она не собирается садиться,
она его касается едва.
Теперь он тих, все тише с каждым днём.
Века стоят над ним, к нему склоняясь.
Все тайны жизни, собранные в нём,
сквозят, вокруг него распространяясь.
Его увидит через много лет
забредший в эту местность сельский житель.
У скал заметив бледный силуэт,
кричит он в страхе: – Дух и покровитель!
Следит за ним с медлительностью бычьей,
не в состоянии принять решение,
в конце концов, чтоб соблюсти обычай,
осуществляет жертвоприношение.

...Деревьев нет на этой высоте,
но через годы, в подтвержденье чуда,
Бог весть куда, неведомо откуда
вдруг вырастает дерево Джийде.
(возможно, золотистая пыльца
среди листвы, в ветвях возможен шелест).
Но эта тень, таинственный пришелец,
плывёт, бледнее детского лица,
прозрачнее остекленевших глаз,

в которых лишь печаль и отрешенье
напоминают смерти отраженье,
которое всегда гладит на нас.
Несчастен путник, если, заплутав,
он в поздний час придёт на это место:
душа темна, а под ногами вместо
тропы – хитросплетенье диких трав.

Я эту быль не в силах позабыть,
поведанную старшими в аиле.
Святое дерево Джийде маячит или
седой старик – мы продолжаем быть.
Да, мы живём и превращаем в миф
самих себя. Да, мы живём, бросая
в глубины прошлого, в его густой массив
свои глаза. Они, как птичья стая,
покинув нас, летят, обнажены,
среди сказок вечности, где нету расстоянья,
чтоб встретиться с глазами мирозданья,
в которых только мы отражены.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Ветер весенний пылит, шевеля
крылья стервятнику, ворону, мухам.
Вновь для твоих сыновей стала пухом
напоённая кровью земля.

Кони храпят, закусив удила,
мечутся в поисках юных хозяев.
Юрта растерянна, рот свой раззявив,
смотрит, от страха бела.

Ты проносился над полем, как сокол.
Счастье твоё мимолётней зарницы.
День под тобою копытами цокал.
Ночь над тобою смежила ресницы.

Ты, у которого будет седло
вместо подушки под голову,
станешь бессмертным, поскольку судьбою
так предначертано. Ведь утекло

столько времён меж извилов и петель,
спрятанных в высохшем русле твоём,
древний народ. Каждый камень – свидетель,
как отвоёвывался окоём,

как становились для смерти тесны
эти пространства сражений; как в дыме
воина, меч, любовь, и весталку
время само находило. Вповалку
лежат человеческие сыны.
Сны их витают над ними.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Трудно услышать табунщика стон.
В этом пространстве открытых сторон
славно звучит только воющий ветер.
Что ему голос свирели ответил? –
Словно кыргыз, удаляется он
в край, где смыкаются горные груди,
в край, где ручей незаметно течёт,
прячась в ложбины зелёные груди,
путая в почве столетья и даты
там, где сквозит холодок благодати,
там, где у времени собственный счёт.
В юрте табунщика – ясные лица.
Я не могу быть счастливей, чем он.
Жизнь его тянется, песнь его длится
в этом пространстве открытых сторон.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Душа моя любит метели, бураны, лавины,
как будто они составляют её половину,
но с нею в разлуке они...
Как в белом тумане скрывается дервиш-скиталец,
так белая бабочка перерождается в танец,
и белые крылья, взгляни,
меня накрывают, моё прерывают дыханье,
и душу уносят.
И там в безвоздушном молчаньи
бушующие небеса
по воле зеркального мира мне душу смешают
с зеркальной метелью.
Я знаю, меня оглушают
густые его голоса...
...Метель пробуждается и начинает круженье.
Младенец в утробе не видит своё отраженье
на водах, в которых плавёт.
Душа замирает, она, как пространство, безмолвна.
К незрячим глазам подступают слепящие волны
из глубины бушующих вод.

Ни страха, ни трепета не опознаешь на теле.
Оно исчезает в объятьях вселенской метели,
не двигаясь и не дыша.

И снова в пространстве мерцает туманная область.
И снова над бездной –
крыла белоснежного лопасть.
И снова трепещет душа...

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Не смотри удивлённо, родной,
мне в лицо. Моя кожа нежна, –я
не связана с этой землёй:

я – кыргызка, ты родом с Алтая.

Может, правду сказали, что здесь
мой народ жил когда-то на фоне
этих гор и лесов. Были горы и лес
для него, как Господни ладони.

Мой народ выбрал путь безвозвратный и долгий.
С тех времён этот край сохранил
раскалённых надгробий осколки
и оскал разорённых могил.

Мы идём по следам, мы блуждаем в корнях.
На какой глубине их скрывает Природа?
И дорога двоится на наших глазах.
Мы с тобою два разных народа.

Отраженья веков угасают вдали.
Мы с тобой их сберечь не смогли.
Но у нас сохранилась единая речь.
Мы её остаёмся стеречь.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *.

Коленопреклонённая трава,
о чём ты тихо шепчешь над землёю?
О том ли, что заметная едва
тень облака крадётся над тобою,

или о том, что в этой тишине
меж телом и душою нет отличий,
что жизнь течёт не в них, она вовне, –
в природе воздуха, в сквозном его величье.

Промчалась ночь. И меч в её руке
сверкнул во тьме. И облачное войско
в тот миг обмякло, наподобие воска,
заслышав грозный ропот вдалеке.

А ветер всё усиливал напор.
Неуловим, беспечен и безроден,
он ветви гнул, расшатывал забор,
свистел и завывал из подворотен.

Он будет дуть со всех восьми сторон.
Он станет рваться в окна, но при этом
он так и не вмешается в твой сон,
наполовину слившийся с рассветом.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

...К подножью ночи брошенное тело
опутывают лабиринты снов,
оно лежит, не ведая предела
существованью своему... Засов
грохочет... – неизменно на допрос
к Создателю его приводят ночью
и вместо точки ставят многоточье,
чтоб возвратить его в обитель слёз,
в темницу первородного литья...
Оно лежит – создание тьмы и света,
назавтра ждёт его, не требуя к ответу,
неубывающая бездна бытия...

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Печаль моя, верни меня в аил,
верни сквозь лабиринт ладонных линий.
Печальный вечер детство растворил
в дожде, в безмолвии и в журавлином клине.

Печаль моя, верни меня назад,
туда, где склон, подснежники, где вьюга
слетела на оцепеневший сад,

где нам с тобой не различить друг друга.

Когда весна протянет мне ладонь,
в лицо уставясь бирюзовым взглядом,
я знаю, что со мною кто-то рядом,
что в нём ещё упорствует огонь,
что он испепеляет наши дни,
чтоб мы в последний миг не оглянулись.
Но я ещё в плену садов и улиц.
Печаль моя, верни меня, верни.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Опять Москва в объятия тумана,
как бы сама в себя, погружена.
Над этой областью, которая мрачна,
клубится день за днём декабрьская манна.

Москве опять сопутствуют снега.
Окно загустевает постепенно,
и мой сосед, подвыпивший слегка,
всех уверяет в том, что это пена.

Что этот город, оставляемый внизу, –
густое облако, сугроб, дыра, берлога, –
кудрявится, темнит и держит на весу
пространство сна, внутри которого дорога.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Над дверью зелёной безмолвно чернеет звезда.
И храм освещают лучи неизвестной природы.
Печальны и медленны, – неисчислимы годы
по лестницам тесным бесшумно восходят сюда,

где смутные тени среди потемневших икон
всё так же склоняются, как изначальное Слово
пред Ликом, который угаснет с течением времён, –
который с течением времён возрождается снова.

Пока благодатью в нём не решена светотень,
он смотрит испуганно, как опоздавший туда,
где несокрушимое небо дарит свою сень,
туда, где над дверью зелёной чернеет звезда.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Срывает ветер листья дней моих.
Его рука вплоть до коры раздела
стволы лесов. Слепое зренье их
не в силах различить того предела,
откуда, отменяя расстоянье,
струится ветер, но ушедшей жизни, –
как осенью полуприлипшей к линзе
лепидоптеры, – гаснет обаянье.

Перевод Юлия Гуголева.

* * *

Горят, горят, слетают с высоты,
оттуда, где судьба стоит над всеми,
кто с забытьём и сумраком на ты,
чья жизнь опять сгруппировалась в семя,
чьё зренье созревает на ветвях
безлиственных, беспочвенных, – которых
не различишь среди сумрачных просторов,
в метелях времени, на Орковых полях.

Перевод Юлия Гуголева.

Алтынай Темирова (кирг. Алтынай Темирова; род. 17 ноября 1960, село Жерге-Тал, долина Аксы) – киргизская поэтесса, драматург, сценарист и переводчик. Goşguġar